

Брайану Мойну, Диане Мосли,
Диане Купер, Перри и Китти Браунлоу —
это мои друзья; нижеследующие страницы я писал в их домах;
им же я посвятил те книги, из которых взяты
приведенные здесь тексты; им всем,
а также памяти ХЕЙЗЕЛ ЛЕЙВЕРИ
я заново посвящаю эти уцелевшие фрагменты —
с неизменной благодарностью

Содержание

Предисловие	9
Часть первая. <i>Морской круиз 1929 года</i> (Из книги «Наклейки на чемодане»)	14
Часть вторая. <i>Коронация 1930 года</i> (Из книги «Далекий народ»)	103
Часть третья. <i>По всему свету в 1930–1931 годах</i> (Из книги «Далекий народ»)	195
Часть четвертая. <i>Поездка в Бразилию в 1932 году</i> (Из книги «Девяносто два дня»)	269
Часть пятая. <i>Война 1935 года</i> (Из книги «Во в Абиссинии»)	355
Примечания. 3. <i>Смоленская</i>	429

Предисловие

НИЖЕСЛЕДУЮЩИЕ СТРАНИЦЫ охватывают все то, что мне желательно сохранить из четырех собраний путевой прозы, написанных с 1929 по 1935 год: «Наклейки на чемодане», «Далекий народ», «Девяносто два дня», а также «Во в Абиссинии» (заглавие выбрано не мной). Книги эти, опубликованные некоторое время тому назад, переиздаваться не будут. Первые три вышли в издательстве «Господа Дакворт и компания», четвертая — в издательстве «Лонгманс, Грин и компания». Была еще пятая книга, повествующая о Мексике, — «Узаконенный грабеж»; тот опус я готов предать забвению, так как путешествиям отводится в нем совершенно незначительное место, а основное внимание уделено вопросам политики. «Если у вас за плечами богатый опыт путешествий, — писал я в предисловии к той книге, — в совокупности с двенадцатью годами сознательной жизни, проведенными в разъездах, то в свете затронутой темы это определенный минус. Чтобы в тридцать пять лет оживить в памяти восторг от первой высадки в Кале, человеку впору лететь на Луну или в какое-нибудь другое

аналогичное место. Раньше такой лунной поверхностью многим виделась Мексика. Такова она и поныне: все тот же лунный край, но отнюдь не в поэтическом смысле. Это бесплодная земля, часть некой мертвой или, как ни крути, умирающей планеты. Политика, губительная везде и всюду, иссушила здешние почвы, выморозила, раздробила, стерла в прах. Если в шестнадцатом веке человеческой жизнью правил хаос, а засилье теологии душило любые таланты, то в настоящее время над нами довлеет чума политики. Эта книга — политическая». Вот пусть она и покоится в собственном прахе. А я теперь отправляюсь на поиски лунного пейзажа.

С 1928 по 1937 год у меня не было постоянного дома, как не было и движимого имущества, которое не уместилось бы запросто в одну багажную тележку. Я непрерывно путешествовал — либо по Англии, либо за рубежом. Четыре книги, перепечатанные здесь в отрывках, представляют собой описания ряда странствий, выбранные мною по одной простой причине: в тех поездках я изрядно поиздержался и возлагал все надежды на публикацию путевых дневников — тяготных ежедневных отчетов об увиденных местах и новых знакомствах вперемешку с банальными сведениями, а подчас и весьма незрелыми комментариями. Сокращая их до нынешнего объема, я стремился оставлять в неприкосновенности сугубо личные моменты повествования — в расчете на то, что от них по-прежнему веет дыханием свежести.

Каждая книга, как обнаруживалось при повторном прочтении, несла на себе явственный отпечаток мрачности, которая сгущалась, пусть даже ненамного, от одного текста к другому по мере того, как вокруг нас год за годом все плотнее смыкались тени острога. Зато в событиях из «Наклеек на чемодане» я искал исключительно удоволь-

ствия. Просматривая под критическим углом зрения отсылки к различным источникам, я отмечал плюсы и минусы в свидетельствах других путешественников. Барочность, роскошь и чудеса; кулинарное искусство; вино, эксцентричные личности; гроты при свете дня, призраки потустороннего мира во тьме ночной — все это я сам и тысячи других искали в Средиземноморье.

Сколь же многого мы не увидели и не продегустировали в тех блистательных краях! «Европа могла подождать. Для Европы еще будет время, — думал я, — ведь не за горами те дни, когда я буду нуждаться в человеке, который бы устанавливал мой мольберт и носил за мною краски; когда я не рискну удалиться больше чем на час ходьбы от комфортабельного отеля; когда я буду нуждаться в прохладном ветерке и мягком солнечном свете; и вот тогда я обращу мои старые глаза к Италии и Германии. Теперь же, пока у меня есть силы, я отправлюсь в дикие страны, где человек покинул свой пост и джунгли подбираются обратно к своим былым твердыням». Так рассуждает Чарльз Райдер; так рассуждаю я сам. В те годы мистер Питер Флеминг отправился в пустыню Гоби, мистер Грэм Грин — в либерийскую глушь, а Роберт Байрон (чья кипучая жизнь, устремленная к возможностям дня сегодняшнего и сохраненная нашей памятью, увы, безвременно и трагически оборвалась) — к персидским руинам. Нынче мы повернулись спиной к цивилизации. Кабы знать, что так сложится, лучше нам было бы провалиться в сон вместе с Палинуром; кабы знать, что незыблемое с виду, возведенное с великим терпением, пышно изукрашенное здание западной жизни когда-нибудь растет в одночасье, словно ледяная башня, оставив по себе лишь грязную лужицу; кабы знать, что человек уже тогда покидал свой пост. Но нет, мы прокладывали себе разные терни-

стые пути: я, например, в тропики и в Арктику, возомнив, будто первозданность — это птица дронт, которую легко приманить щепоткой соли. В книге «Далекий народ» описывался несложный маршрут; в книге «Девяносто два дня» — более тяжелый. Впоследствии многим из нас довелось ходить в походы и разбивать лагерь, мучиться от голода и жажды, селиться там, где выхватывают и пускают в ход пистолеты. Тогда это казалось испытанием на прочность, приобщением к мужественности.

Потом, в 1935 году, произошло итальянское вторжение в Абиссинию, и я вернулся в эту страну, но уже не в качестве вольного путешественника. Я вернулся в качестве военного корреспондента; при всем моем легкомысленном отношении к своим обязанностям и к притязаниям коллег, я облачился в ливрею слуги новой эпохи. Эту перемену выдала следующая книга. Теперь я опустил немало страниц исторических справок и политических дебатов. Перечитывая окончательный текст в свете событий последнего времени, я не нашел почти ничего, что следовало бы убрать дополнительно. Надежды питают глупцов; не исключено, что нынешние страхи окажутся ложными. Когда речь идет о катастрофе, попытки разграничения «post hoc» и «propter hoc»¹ неуместны.

Пора моих собственных путешествий миновала; да и лавину книг о путешествиях я в ближайшем будущем едва ли увижу. В бытность мою рецензентом, помнится, их присылали пачками — по четыре-пять штук в неделю: прелестные от корки до корки, остроумные, с увеличенными любительскими фотоснимками, сделанными «лейкой». Туристам нет места среди «перемещенных лиц». Думаю, мы никогда больше не сможем высаживаться на чу-

¹ «После этого» и «вследствие этого» (*лат.*).

жом берегу с аккредитивом и паспортом (необходимость в последнем сама по себе уже была первой робкой тенью той свинцовой тучи, что окутывает нас в эти дни) и ощущать, как перед нами распаивается мир. Сегодня это дела минувшие, как прибытие пастора Йорика в Париж, где хозяин гостиницы вынужден ему напоминать, что их страны находятся в состоянии войны. А завтра эти события отодвинутся еще дальше. В отдельных местах, очевидно, сформируется взаимовыгодная «Сила через радость», своего рода система досуга *dopo-lavoro*; и уже не меня, а других — тех, кто наделен даром угождать власть имущим, — будут, видимо, направлять за рубеж для установления «культурных связей»; подобно «вандерфогелям» Веймарского периода, эту миссию, скорее всего, возьмут на себя самые молодые: поджарые, бесшабашные, неумные парочки с рюкзаками примкнут к великой армии мужчин и женщин без документов, без официальных доказательств своего появления на свет, беженцев и дезертиров, которые сегодня во всех концах света дрейфуют от одного заграждения из колючей проволоки до другого. По доброй воле я нипочем не вольюсь в их ряды.

Быть может, для английской литературы оно и неплохо. Через два поколения воздух станет чище, и, возможно, из нашей среды выйдут великие путешественники, под стать Бёртону и Доути. Сам я никогда не метил в великие путешественники. Меня устраивала роль типичного представителя молодежи своего времени; поездки воспринимались нами как нечто само собой разумеющееся. Отрадно сознавать, что наши путешествия пришлись на то время, когда шагалось нам легко.

И. В.
Стинчком, 1945

Часть первая

Морской круиз 1929 года

(Из книги «Наклейки на чемодане»)

В ФЕВРАЛЕ 1929 ГОДА Лондон впал в тоску и оцепенение, будто подражая Вестминстеру, где тянулись недели последней парламентской сессии. Уже заявляло о себе звуковое кино, отбросив на двадцать лет назад развитие самого жизненного искусства столетия. В городе не было даже мало-мальски стоящего дела об убийстве. А ко всему прочему, грянули лютые морозы. Бестселлером истекших месяцев стал «Орlando» миссис Вулф; и, казалось, Природа, имитируя знаменитое описание Великого холода, рассчитывала, что ей свалится с неба какая-нибудь Готорнденская премия. Как герцогиня Мальфи отшатнулась от руки мертвеца, так горожане содрогались от прикосновения к ледяному бокалу с коктейлем, негнушимися роботами выбирались из продуваемых ветром такси, тянулись к ближайшей станции метрополитена и там для согрева сбивались в толпу, кашля и чихая среди раскрытых вечерних газет.

Что до меня, я упаковал всю свою одежду, пару внушительных книг, включая шпенглеровский «Закат Европы», и массу рисовальных принадлежностей, поскольку перед

отъездом наметил для себя великое множество совершенно невыполнимых целей, среди которых выделялись две: углубиться в серьезное чтение и посвятить себя рисованию. Потом, сев на самолет, я добрался до Парижа, где провел ночь в компании добродушных, щедрых и очень обаятельных американцев. Они горели желанием показать мне весьма популярное в то время заведение «У Бриктоп». Появляться там раньше полуночи, как они считали, не имело смысла, так что для начала мы отправились во «Флоренцию». Там все заказали шампанское, поскольку одним из своеобразных проявлений французской свободы служит то, что ничего другого пить не положено.

Оттуда мы перешли в подвальное заведение под вывеской «Бар Нью-Йорк». При нашем появлении все посетители начали стучать по столешницам деревянными молоточками, а певец, молодой еврей, отпустил шутку по поводу горностаевого манто, в котором щеголяла дама из нашей компании. Мы снова выпили шампанского, еще более скверного, и теперь уже двинулись к «Бриктоп», но на дверях увидели объявление: «Открываемся в 4 часа. Брики»; нам оставалось только возобновить обход питейных заведений.

В кафе «Ле Фетиш» официантки в смокингах приглашали наших дам на танец. Я с интересом наблюдал, как видная собой мужеподобная гардеробщица ловко увела шелковое кашне у пожилого немца.

Потом мы переместились в «Плантацию», а оттуда — в «Музыкальную шкатулку»: и тут, и там была такая темень, что мы едва различали свои бокалы (с еще более гнусным шампанским); затем посидели в «Шахерезаде», где нам подали шашлык из пяти разных внутренних органов барашка, нанизанных с луком и лавровым листом на тлеющие с одного конца шампуры; вкус был отменный.

Оттуда перешли в «Казбек», ничем не отличавшийся от «Шахерезады».

Наконец, в четыре часа утра, мы вернулись к «Бриктоп». К нам подошла Бриктоп собственной персоной и присела за наш столик. Нам показалось, что фальши в ней меньше, чем в какой-либо другой парижской знаменитости. Из ее заведения мы вышли уже средь бела дня, поехали на центральный рынок «Ле-Аль» и там, в «Безмятежном папаше», отведали превосходного, пикантного лукового супа; правда, одна из наших дам, та, что помоложе, заказала пучок лука-порея и сжевала его сырым. Я поинтересовался у организатора этого праздника жизни, все ли свои вечера он проводит сходным образом. Нет, ответил тот: хотя бы раз в неделю он непременно остается дома ради вечерней партии в покер.

Во время примерно третьей остановки в вышеописанном паломничестве я начал узнавать лица, то и дело попадавшие нам на пути. В ту ночь на Монмартре таких паломников, как мы, было около сотни, и все кружили одним и тем же маршрутом.

Из той поездки в Париж у меня в памяти отчетливо сохранились только два эпизода.

Первое зрелище ожидало меня на Пляс-Бово, где стоял мужчина, с которым произошел уникальный, как я считаю, случай. Тот господин средних лет, одетый в сюртук и шляпу-котелок, принадлежал, судя по всему, к числу конторских служащих; у него вспыхнул зонтик. Ума не приложу, как такое могло случиться. Проезжая мимо на такси, я заметил этого человека в гуще небольшой толпы: зонтик он держал на расстоянии вытянутой руки, чтобы не обжечься. День выдался без дождя, и зонтик польхал ясным пламенем. Сколько было возможно, я наблюдал за этой

сценой из небольшого заднего окошка и видел, как тот человек в конце концов отпустил рукоять и ногой столкнул зонт в канаву. Оттуда повалил дым, толпа с любопытством глазела, но потом рассеялась. В Лондоне зеваки сочли бы это забавнейшим происшествием, однако здесь никто из очевидцев не рассмеялся; по возвращении в Лондон я не раз пересказывал эту историю своим знакомым, но никто до сих пор не верит ни единому слову.

Второй эпизод приключился в ночном клубе под вывеской «Двойной шпагат». У тех, кому небезразличен «колорит эпохи», есть масса возможностей поразмышлять, как менялось значение той вывески, отражавшей переход от Парижа Тулуз-Лотрека к Парижу мсье Кокто. Первоначальный смысл — «продольная трещина»: это весьма сложный хореографический элемент, поперечный шпагат, при котором ступни танцовщицы скользят в стороны, пока туловище не опустится на пол. Именно так Ля Гулю и Ля Мелонит, «менады декаданса», привычно завершали свои сольные номера, лукаво демонстрируя полоску бедра между черным шелковым чулком и оборками нижней юбочки. В наше время такого не увидишь. От прежнего ночного клуба остался пустой звук — одно название, обозначенное электрическими огоньками, декорированное бухтами каната и зеркальным стеклом; на столиках стоят миниатюрные подсвеченные аквариумы, где плавают размякшие куски желатина, имитирующие лед. За барной стойкой сидят сомнительного вида молодые люди в сорочках от «Шарве», исправляя посредством пуховок и губной помады все изъяны своей внешности, причиненные гренадином и шоколадным ликером. В этом заведении я провел один вечер в тесной компании. За соседним столиком сидела в высшей степени элегантная красавица-англичанка, чье имя мы, как принято говорить, сохраним

в тайне. Ее сопровождал весьма импозантный, эффектный мужчина, оказавшийся, как выяснилось позже, бароном из Бельгии. В нашей компании у этой дамы сыскался кто-то знакомый; последовали неразборчивые представления. Она переспросила:

— Как вы назвали этого юношу?

Ей ответили: Ивлин Во.

Она поинтересовалась:

— И чем он занимается?

Нашу компанию этот вопрос поставил в тупик. Кто-то предложил, что я вроде бы английский писатель.

Дама сказала:

— Я сразу понял. Он единственный человек на свете, с кем я давно мечтаю познакомиться. — (Здесь попрошу вас набраться терпения: этот рассказ в итоге приведет к моему позору.) — Сделайте одолжение, подвиньтесь, чтобы я могла перейти за ваш столик и сесть рядом с этим юношей.

Присоединившись к нам, англичанка завела со мной беседу.

— По вашим фотографиям, — начала она, — я бы нипочем не определила, что вы блондин.

Я не знал, как на это реагировать, но, к счастью, выкручиваться не пришлось: дама тут же продолжила:

— Не далее как на прошлой неделе я прочла вашу статью в «Ивнинг стэндард». Она произвела на меня такое впечатление, что я ее вырезала и отправила своей матери.

— Мне за нее заплатили десять гиней, — сообщил я.

В этот момент бельгийский барон пригласил ее на танец. Она сказала:

— Нет-нет. Я упиваюсь талантом этого чудесного юноши. — А потом обратилась ко мне: — Вообразите, у ме-

ня есть дар ясновидения. При входе в этот зал я мгновенно ощутила незаурядную мужскую ауру и решила во что бы то ни стало распознать, от кого же она исходит.

Настоящего прозаика, видимо, не удивишь такими разговорами. Но для меня эта беседа оказалась непривычной и очень лестной. К тому времени я опубликовал две невразумительные книжицы и по-прежнему считал себя не столько писателем, сколько безработным учителем частной школы.

Моя собеседница произнесла:

— Знаете, наша эпоха породила еще одного великого гения. Сможете угадать его имя?

Я осторожно предположил: Эйнштейн? Нет... Чарли Чаплин? Нет... Джеймс Джойс? Нет... Тогда кто же?

Она ответила:

— Морис Декобра. Чтобы вас познакомить, я устрою в «Ритце» суаре для узкого круга. Если мне удастся свести вместе двух великих гениев нашей эпохи, то дальше я буду жить с ощущением, что хотя бы отчасти оправдала свое присутствие в этом мире. Каждый человек обязан совершить поступок, оправдывающий его существование... вы согласны?

Некоторое время разговор шел вполне гладко. Потом она произнесла фразу, которая меня слегка насторожила:

— Знаете, я настолько люблю ваши книги, что неизменно беру их, все без исключения, в каждую поездку. И расставляю в ряд на ночном столике.

— А вы, часом, не путаете меня с моим братом Алеком? Он написал гораздо больше книг, чем я.

— Как вы его назвали?

— Алек.

— Ну разумеется. А вас тогда как зовут?

— Ивлин.

— Но... но... мне сказали, что вы занимаетесь литературой.

— Да, немного пописываю. Видите ли, другой работы я найти не сумел.

Ее разочарование было столь же велико, сколь в начале вечера — ее дружелюбие.

— Вот оно что, — изрекла она, — какая незадача.

И пошла танцевать с бельгийским бароном, после чего вернулась за свой прежний столик. На прощание она туманно выговорила:

— Вне сомнения, мы еще встретимся.

Я далеко не уверен. Равно как и в том, что она поставит мою книжку, где описывается это недоразумение, у своего изголовья, в один ряд с произведениями моего брата.

Дальше мне предстояло отправиться в Монте-Карло, где я забронировал место на пароходе «Стелла поларис»¹.

В мои планы входило доехать до Монако, поскольку там, как мне говорили, гостиницы дешевле, да и посадка на рейс удобнее.

Железнодорожный вокзал в Монако очень тесен и непритязателен. Единственный носильщик, которого мне удалось найти, работал под эгидой гостиницы с довольно внушительным названием. Подхватив мой чемодан, он повел меня сквозь снегопад вниз по склону — в свою гостиницу. Оказалось, это всего лишь пансион в каком-то переулке. Небольшой салон целиком занимали плетеные кресла, в которых восседали за рукоделием престарелые англичанки; я спросил носильщика, нет ли в Монако гостиницы поприличнее. Отчего же нет, ответил он, в Монако все гостиницы лучше этой. Он вновь подхва-

¹ Stella Polaris (*лат.*) — Полярная звезда.

тил мой чемодан; за нами бросилась управляющая, но мы все же вышли в пургу и вскоре добрались до гостиницы побольше с видом на гавань.

После обеда метель улеглась; ближе к вечеру сильно похолодало, но на улице было ясно и солнечно. Путь в гору до Монте-Карло я проделал в вагончике канатной дороги. Из бастиона под променадом доносились выстрелы: рекламный щит сулил «голубиные садки». Там шел какой-то турнир; участниками его оказались преимущественно латиноамериканцы с папскими титулами. Они делали какие-то удивительные движения локтями, ожидая, пока одновременно упадут створки небольшого вольера и оттуда выпорхнут живые мишени: необычные движения локтями, досадливые и виноватые, сопровождали также каждый промах. Но второе случалось редко. Уровень попаданий был высок, и у меня на глазах только три птицы, беспорядочно дергая общипанными хвостами и крыльями, избежали расстрела, но в результате попали в руки малолетних сорванцов, которые караулили кто в лодках, кто на берегу, чтобы растерзать пернатых голыми руками. Зачастую при открытии вольеров ошарашенные птицы замирали среди обломков, пока в них не запустили какой-нибудь миской; тогда они неуклюже взлетали, чтобы футах в десяти над землей попасть под пулю — обычно выпущенную из первого же ствола. Над террасой на перилах балкона сидел один из прикормленных служащими «Казино Монте-Карло» голубей, неприкосновенный здоровяк, без видимых эмоций наблюдавший за бойней. Единственный здравый отзыв об этой забаве я услышал от постояльца отеля «Бристоль», который заметил, что джентльменам такое не к лицу.

Во время моего пребывания в Монако там каждую ночь свирепствовали снежные бури, иногда длившиеся чуть ли не до полудня, но всякий раз последствия их устранились

в течение часа. На улицы одновременно с падением последней снежинки высыпала целая армия деловитых, одетых в синие комбинезоны человечков, вооруженных метлами, шлангами и тачками: они обдавали кипятком и отскребали от наледи тротуары, а также разметали газоны; приставив стремянки к стволам, взбирались на деревья и отряхивали от снега ветви; каждая цветочная клумба, заблаговременно накрытая проволочной рамой с натянутым на нее зеленым сукном и засыпанная соломой, освобождалась из этого плена, являя взору яркие цветы; те кусты, что были побиты морозом, немедленно заменялись свежими, еще хранившими тепло питомника. Более того, неприглядные сугробы тут же убирались с глаз долой, даже в самых неприметных закоулках, где в других городах они, бывает, высятся не одну неделю после оттепели. Снег, сгруженный в тачки и брезентовые мешки, незамедлительно увозился (не исключено, что за границу) или сбрасывался в море, но в любом случае за пределами видимости Империи Казино.

Прибытие «Стеллы поларис» вызвало ажиотаж. После перехода из Барселоны она вошла в порт ближе к ночи при весьма неблагоприятных погодных условиях. Я увидел ее огни через всю гавань и услышал отдаленные звуки судового оркестра, исполнявшего танцевальную музыку, но, чтобы рассмотреть пароход вблизи, вернулся к причалу только наутро. Судно с высокой осадкой, с заостренным, поднятым, как у парусника, форштевнем, с чисто белым корпусом и единственной трубой, выкрашенной в желтый цвет, поражало своей красотой.

За рубежом каждый англичанин предпочитает, пока не доказано обратное, считать себя не туристом, а путешественником. Наблюдая, как мой багаж поднимают на борт «Стеллы», я понял, что притворяться более не имеет смыс-

ла. И я, и мои попутчики бескомпромиссно и безоговорочно превратились в туристов.

Принадлежащая норвежской судоходной компании «Стелла поларис», моторная яхта водоизмещением шесть тысяч тонн, способна при полной загрузке взять на борт около двухсот пассажиров. Как и предполагает ее происхождение, она сверкает нордической, почти ледяной чистотой. Раньше мне только в больницах доводилось видеть такое отдраенное и начищенное пространство. Должности судового врача и медсестры занимали англичане, тогда как офицерский состав и палубная команда, а также парикмахер, фотограф и другие разнообразные специалисты все были норвежцами. Стюарды представляли собою многонациональный и многоязычный конгломерат из уроженцев Норвегии, Швейцарии, Британии, Италии, то есть тех стран, что поставляют службу для всего мира. Учтивостью и расторопностью эти люди могли дать сто очков вперед Дживсу, к особому восторгу тех пассажиров-англичан, которых погнала за рубеж нехватка обслуживающего персонала для фамильных особняков. Пассажиры, кстати, тоже являли собой пеструю картину, однако преобладали среди них англичане, да и официальным языком на судне был английский.

Командный состав, похоже, с равной степенью беглости говорил на всех языках; некоторые из офицеров прежде ходили на быстроходных парусниках; после ужина, сидя между танцами в палубных креслах, пока судно гладко скользило через теплый мрак на скорости в пятнадцать узлов, они травили леденящие кровь байки о начале своего пути, о тайфунах, о полном штиле и прочих злоключениях; думаю, временами на всех накатывала легкая тоска от нынешнего оранжерейного существования, и тогда они утешались воспоминаниями.

Вскоре я стал ловить себя на мысли, что мне куда интереснее наблюдать за своими попутчиками и их поведением в каждом порту захода, нежели осматривать достопримечательности.

Один из человеческих типов, кои преобладают на круизных судах, — это обеспеченные вдовы средних лет: дети у них благополучно пристроены в школы-интернаты с солидной репутацией, слуги причиняют одни неприятности, а сами хозяйки, как оказалось, нынче распоряжаются такими средствами, о каких прежде не помышляли; взоры их обращаются к рекламным буклетам судоходных компаний и обнаруживают стандартный набор фраз, полупоэтических, чуть пьянящих, которые призваны рисовать в неискушенных умах слегка нереальные, гламурные картины. «Тайны. Истории. Море. Удовольствия». Откровенно сексуального посыла в них нет. Есть только розовая дымка ассоциаций: пустыня под луной, пирамиды, пальмы, сфинксы, верблюды, оазисы, мулла, нараспев читающий вечернюю молитву с высокого минарета, Аллах, Хитченс, миссис Шеридан — весь перечень исподволь указывает на шейхов, похищение и гарем, но пребывающий в счастливом неведении ум не делает столь рискованных выводов: он видит общее направление и восхищается панорамой издалека.

Сдается мне, это самые счастливые путешественницы: им неведомо разочарование от увиденного. После каждой экскурсии они возвращаются на борт с горящими глазами: им дали возможность приобщиться к удивительным тайнам, речь их обогатилась лексикой управляющего туристическим бюро; руки оттянуты покупками. Увидеть, что они сметают с прилавков, — само по себе диво. В этих местах, насколько можно судить, традиционная рачительность, которая двадцать лет требовала приобретения электрических лампочек, консервированных абрикосов и теплого

белья для детишек, выходит из-под контроля. Пассажиры начинают виртуозно торговаться, а вечерами в кофейном салоне уподобляются рыболовам из юмористических журналов и азартно лгут, сравнивая цены и пуская по рукам свою добычу под рокот восхищения и баек одна другой хлеще. Интересно, какая судьба ждет весь этот хлам? Когда, уже в Англии, его распакуют в сером свете какого-нибудь провинциального утра, не развеется ли хотя бы отчасти волшебная дымка? Не откроются ли черты его сходства с теми безделушками, что выставлены в галантерейной лавке чуть дальше по улице? Перейдет ли он к друзьям и родным в знак того, что в круизе о них не забывали, или же будет бережно храниться на стенах и редких консольных столиках, как проклятье для горничной и вместе с тем как постоянное напоминание об этих магических вечерах под более широкими небесами, где устраивались танцы, скользили подтянутые офицерские фигуры, плыл над водой звон храмовых колоколов, базары окутывал загадочный полумрак, а в воздухе витали Аллах, Хитченс и миссис Шеридан?

Но далеко не все пассажиры были одинаковы. Я даже сдружился с одной молодой парой; звали их Джеффри и Джулиет.

В небольшом офисе на прогулочной палубе «Стеллы» работало экскурсионное бюро, которым ведал терпеливый и необычайно обаятельный норвежец, бывший капитан дальнего плавания; пассажиры во всех подробностях обсуждали насущные вопросы целесообразности предлагаемых экскурсий. В Неаполе, сойдя на берег в полном одиночестве и не зная ни слова по-итальянски, я горько пожалел, что не присоединился ни к одной группе.

В гавань мы вошли ранним воскресным утром и пришвартовались у причала. Там уже стоял немецкий круизный лайнер, который в течение следующих недель нам

предстояло лицезреть не один раз: наши маршруты совпадали практически полностью. Да и конструкцией он мало чем отличался от «Стеллы», но наши офицеры пренебрежительно отзывались о его ходовых качествах. В день спуска на воду, говорили они, лайнер опрокинулся и теперь вынужден брать балласт из бетонных плит. На палубе у него стоял маленький черный аэроплан, и пассажиры, заплатив по пять гиней с носа, получали возможность покругить над заливом. В темноте название лайнера высвечивалось разноцветными буквами на шлюпочной палубе. Два судовых оркестра, сменяя друг друга, не умолкали, считай, круглые сутки. Почти все пассажиры, немцы средних лет, были на редкость непривлекательны, зато одевались изобретательно и смело. Один мужчина неизменно появлялся в сюртуке, белых брюках и берете. На «Стелле» все прониклись глубоким презрением к той вульгарной посудине.

После завтрака выяснилось, что паспортные и карантинные формальности уже завершены и мы можем беспрепятственно выходить на берег. Стайка англичанок с молитвенниками в руках отправилась на поиски протестантской церкви. Потом дамы сетовали, что их бессовестно обманул извозчик, который, поколесив кругами, содрал с них восемьдесят пять лир. Кроме того, он убеждал их вместо заутрени отправиться смотреть какие-то помпейские танцы. Аналогичному нажиму подвергся и я сам. Не успел я сойти с трапа, как в мою сторону, излучая сердечность, ринулся с приветствиями коротышка в соломенной шляпе. На его коричневой, весьма жизнерадостной физиономии сверкала подкупающая улыбка.

— Здравствуйте, да, это я вам, синьор. Доброе утро, — кричал он. — Вы хотите одна миленькая женщина.

Я ответил: нет, для этого, пожалуй, рановато.